

А. М. Лазаревский

**Очерки, заметки и документы по истории
малороссии**

Том 1

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. М. Лазаревский**
Очерки, заметки и документы по истории малороссии: Том 1 / А. М. Лазаревский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 126 с.

ISBN 978-5-458-28588-9

Сборник заметок и документов, которые известный почитатель старины малороссийской собирал на протяжении всей своей жизни

ISBN 978-5-458-28588-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

жавы „панамъ“, стали отбирать эти земли подъ свою власть. Эти дѣйствія владѣльцевъ маетностей противны и праву войсковому, и волѣ нашей гетманской, потому что тѣ земли, которыя отвагою „рыцарства войска запорожскаго“ отняты въ войну Хмельницкаго у польскихъ пановъ и немалое время уже находятся въ козацкомъ владѣнн, не могутъ быть у козаковъ отнимаемы. Всѣмъ извѣстно, что война Хмельницкаго и пачата была какъ за вѣру святую и церкви православныя, обращенныя въ „римскую“ унию, такъ и за войсковыя вольности, которыя ярмомъ тяжкимъ были придавлены. По этому одному пельзя отнять права у нашихъ „отважннбовъ“ на владѣнне всѣмъ тѣмъ, что ими тогда было завоевано саблей и кровью... Въ силу этого симъ нашимъ универсаломъ приказываемъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго чина людемъ, чтобы они власть свою при владѣнн маетностями выражали „мѣрно“, какъ слѣдуетъ по „малороссійскому обыкнове-нню“, не чиня подданнмъ разныхъ вымысловъ и тяжестей, особливо дабы козаковъ, истари въ тѣхъ маетностяхъ живущихъ, не притѣсняли и земель, издавна ими владѣемыхъ, не отнимали, хоть бы и доказано было, что тѣ земли при полякахъ были „панскія“¹⁾.

Гетманъ публично признавалъ безспорность права половины народа (козаковъ) на находившуюся въ его владѣнн землю, но тѣмъ не менѣе это признапне обращалось въ мертвую букву, потому что всѣ гетманскія распоряженія въ защиту народа должны были оставаться безъ результата, такъ какъ за исполненнмъ этихъ распоряженнй должна была наблюдать та самая старшина, противъ которой направлялись подобныя приведенному универсалы.

Процессъ порабощення народа старшиною продолжался безостановочно, несмотря на всѣ распоряженія власти какъ мѣстной, такъ и центральной. Съ одной стороны захватъ маетностей съ жившими съ нихъ крестьянами, а съ другой— „скупля“ козачьихъ

¹⁾ Универсалъ Мазеши, изъ котораго изать приведенный отрывокъ, записанъ въ бориспольскихъ „мѣскихъ“ книгахъ XVII в., рукописью которыхъ, находящеюся въ собраннн барона Шодуара (и. Илипча, житомирскаго уѣзда), мы пользовались при обязательномъ посредствѣ Н. П. Петрова. См. Извѣстн Цер. арх. общ. за 1868 годъ, стр. 21.

земель и обращеніе ихъ владѣльцевъ въ „подсосѣдковъ“, составляютъ едва не главное содержаніе той части исторіи Малороссіи въ періодъ гетманщины, которая остается еще не написанною... Какъ извѣстно, процессъ подчиненія народа старшинѣ закончился указомъ 3 мая 1783 года.

Какъ производился старшиною захватъ маестностей, въ какое отношеніе становилась она къ народу и какое сопротивленіе оказывалъ при этомъ народъ—объ этомъ и говорятъ приводимые здѣсь эпизодическіе очерки изъ исторіи селъ и селянъ лѣвобережной Малороссіи.

1. Село Грицовка ¹⁾).

Село Грицовка, расположенное по берегу незначительной рѣчки Лисогора, возникло въ первой половинѣ XVII в. и первое время, при гетманахъ, находилось въ „послушаніи“ ратуши сотеннаго мѣстечка Срѣбнаго, т. е. грицовскіе крестьяне помогали слоому сотенному мѣстечку въ исполненіи разнаго рода „общенародныхъ повинностей“. Затѣмъ, при Мазепѣ, село это попало во владѣніе какого-то Аванасія Мокіевскаго, вѣроятно родственника Мазепы, котораго мать была изъ рода Мокіевскихъ ²⁾. Но послѣ измѣны Мазепы, всѣ родичи его были устранены отъ владѣнія маестностями и Грицовку сейчасъ же послѣ этого (въ 1709 г.) выпросилъ у новоуправляющаго гетмана Скоропадскаго прилуцкій полковой писарь Андрей Себастьяновичъ; а послѣ его смѣрти (въ 1718 г.) Грицовка, вмѣстѣ съ другими маестностями, перешла къ сыновьямъ Андрея—Ивану, Василю и Матвѣю. По малолѣтству послѣднихъ двухъ, старшій братъ Иванъ захватилъ большую часть отцовскихъ имѣній, въ томъ числѣ и Грицовку, и владѣлъ ими, не дѣлясь съ братьями, лѣтъ двадцать. Вотъ въ это время и случились тѣ „пререканія“ гри-

¹⁾ Прилуцкаго уѣзда, полтавской губерніи.

²⁾ Можетъ быть Аванасій Мокіевскій былъ сынъ кіевскаго полковника Константина Мокіевскаго, сыну котораго Мазепа могъ дать маестность по родству, „за служби отца“, какъ тогда говорилось.

цовскихъ жителей съ владѣльцемъ ихъ села, о которыхъ мы здѣсь расскажемъ.

Учрежденіе Петромъ В., въ 1722 г., малороссійской коллегіи возбудило въ народѣ большія надежды на улучшение его отношеній съ старшиною. Въ данной царемъ президенту коллегіи инструкціи, между прочимъ, говорилось: „ежели усмотрѣно будетъ, что генеральная старшина и полковники козаковъ и посполитыхъ людей впредь отягощать станутъ работами и прочими трудностями, и хотя отъ нихъ козаковъ и челобитья не будетъ, и оное коллегіи, съ совѣту г. гетмана, пристойнымъ образомъ отвращать, а посольству въ томъ помогать по истинѣ“. Этотъ и другіе пункты той же инструкціи возбудили во многихъ мѣстахъ Малороссіи крестьянскія волненія. Болѣе замѣтныя волненія возникли въ тѣхъ селахъ, державцы которыхъ отличались суровостью своихъ отношеній къ крестьянамъ. Иванъ Себастіановичъ былъ однимъ изъ самыхъ суровыхъ державцевъ; сама мать его писала, что онъ „бывалъ своихъ подданныхъ кіями, безъ всякой пощады“. Въ Грицовкѣ было нѣсколько крестьянъ, происходившихъ изъ козаковъ. Они первые попробовали—нельзя ли, при помощи коллегіи, вернуться въ козачество и тѣмъ избавиться отъ насилій Себастіановича. Между ними былъ и Степанъ Быховецъ, который подалъ въ апрѣлѣ 1727 г. въ генеральную канцелярію такое прошеніе: „будетъ тому нѣсколько годъ, якъ я въ с. Грицовкѣ, маенности бунчуковаго товарища Ивана Себастіановича, сталъ жить и всякія подданническія повинности отбывать даже до сихъ поръ. А нынѣ, когда я пожелалъ себѣ козацкую отбывать повинность съ грунта козацкаго, для того, что дѣдъ мой и отецъ козаквали и въ компутахъ (списахъ) полковыхъ прилудцкихъ вписаны, то владѣлица с. Грицовки, Ивана Себастіановича жена, о томъ извѣстившись (самъ Себастіановичъ былъ въ это время въ гиланскомъ походѣ), приказала людямъ своимъ—меня и сыновъ моихъ бить, которые въ томъ бою мене съ сынами окровавили, а женѣ моей голову розбили. Да сверхъ того бою, взяла она, Себастіановичка, у меня изъ скота товару рогатаго—9, овецъ 24 и коня одного“. Въ заключеніе, Быховецъ просилъ „принять его въ козацкій ком-

путь^а. По этому прошенію генеральная канцелярія навела справку—какъ записанъ Быховець по ревизіи 1723 г., и когда оказалось, что онъ записанъ „между посполитыми подданными бунчуковаго товарища Ивана Себастіановича“, то въ просьбѣ Быховцу отказала. Тогда Быховець обратился въ коллегію, жалуясь, что генеральная канцелярія неправильно отказала ему въ козачествѣ, не справившись съ старыми компютами и руководствуясь одною лишь ревизіею 1723 г. Коллегія навела лучшія справки и въ іюлѣ 1727 г. выдала Быховцу копію своего указа на имя прилудваго полковника, что „по справкѣ съ козацкими компютами прошлыхъ 1695 и 1715 гг., въ полковой прилудвой сотнѣ, куреня мульковскаго (с. Молекъ) написанъ отецъ Степана Быховца, Иванъ Быховець—атаманомъ, а братъ родной Петръ—козакомъ. А по именному указу 1722 г., велѣно таковыхъ, по справкѣ съ прежними давними и нынѣшними козацкими реестрами, по ихъ челобитію, писать въ козаки по прежнему; и того ради о написаніи Степана Быховца въ козацкіе компюты и о ѡключеніи изъ подданства, и чтобъ владѣлецъ впредь до него въ подданныческихъ повинностяхъ не интересовался, послать къ тебѣ, полковнику прилудкому, указъ...“ Кроме того, въ указѣ значилось, чтобы Галаганъ распорядился о возвращеніи Быховцу отнятаго у него Себастіановичкою скота. Получивъ этотъ указъ, Быховець отказался отъ „послушенства“ Себастіановичамъ. По этому случаю младшій братъ Ивана Себастіановича, Матвѣй (служившій въ это время канцеляристомъ въ генеральной канцеляріи), въ концѣ 1727 г., жаловался Апостолу: „изъ посполитыхъ селянъ сельца Грицовки, Леско Цигуренко, Юско Мирошникъ и Давидъ Романченко, наполняясь какимъ то легвомысліемъ и стремясь выбиться изъ крестьянства въ козачество, отказались отъ послушанія, а между тѣмъ продолжаютъ жить на мужицкихъ грунтахъ. До сего-жъ году, того жъ сельца Грицовки житель Степанъ Быховець, смотря на реченныхъ самовластниковъ, пастари мужикомъ будучи, билъ челомъ передъ симъ въ генеральную канцелярію, также желая попасть въ козаки; а потомъ, повинившись, тутъ же въ генеральную канцелярію подалъ мировое челобитіе, выразивши

именно, что останется по прежнему, какъ и былъ, мужикомъ. Когда жъ повернулся тотъ Быховецъ отсюда (изъ Глухова) въ домъ свой и тамъ хотѣли его „скарать“ (наказать) за то, что не хотѣлъ послушенствовать, то онъ, заупрямившись, снова приѣхалъ въ Глуховъ, и мимо генеральной канцеляріи, билъ челомъ о своемъ козачествѣ въ бывшую коллегію, гдѣ безъ всякаго розыску и допросу моего, написано того Быховца въ козаки...“ Затѣмъ Себастіановичъ проситъ гетмана произвести слѣдствіе какъ о козачествѣ Цигуренка и другихъ, такъ и о побояхъ, нанесенныхъ Быховцомъ людямъ Себастіановичей. По этой просьбѣ посланы были въ Грицовку, полковой есаулъ Панкевичъ и бунчуковъ товарищъ Проконовичъ, изъ произведеннаго которыми слѣдствія—приводимъ здѣсь лишь то, что оказалось по дѣлу Быховца. Когда слѣдователи спросили послѣдняго—почему онъ считаетъ себя козакомъ, то онъ отвѣчалъ, что отецъ его козаквалъ въ сосѣднемъ селѣ Мольвахъ, да и братъ меньшій, Петръ, записанъ въ компутѣ полковомъ полковника Дмитрія Горленка; а онъ Степанъ Быховецъ, передъ дорогимъ годомъ¹⁾, отъ отца въ с. Харитоновкѣ женился и „прислушалъ до ратуши сръбрянской, потому что Харитоновка принадлежитъ той ратушѣ. А оттуда перезвалъ его въ Грицовку, Аѳанасій Мокіевскій, бывший владѣлецъ грицовскій, и поставилъ его надъ своею маестностію „господаремъ“, и господаровалъ онъ, Быховецъ, у Мокіевскаго шесть лѣтъ. А живя въ Грицовкѣ, купилъ онъ себѣ тамъ грунтъ, у грицовскихъ посполитыхъ Дробковъ...“ Сирошени были Дробки—чей грунтъ продали они Быховцу?—Тотъ грунтъ, гдѣ живетъ теперь Быховецъ, отгѣчали Дробки, называется Походнящина и былъ тотъ грунтъ козацкій, какъ говорилъ имъ отецъ, купившій тотъ грунтъ около ста лѣтъ назадъ. Распросили затѣмъ слѣдователи и о тѣхъ побояхъ, которые нанесены были Быховцемъ людямъ Себастіановича. Ѳедоръ Василенко, войтъ грицовскій, объ этомъ рассказалъ такъ: какъ приказала мнѣ „паня“, чтобъ я изготовилъ на панщину шесть подводъ,

¹⁾ Часто упоминаемый въ актахъ первой половины XVIII в. „дорогой годъ“ былъ, вѣроятно, 1690-й.

пошелъ я и до Быховца, чтобы и онъ ъхалъ; но Быховець мнѣ отвѣтилъ: „не пойду я на панщину, бо я теперь босый, чоботъ нема!“ А когда я донесъ паней объ отказѣ Быховца, такъ она велѣла взять за то у Быховца двое коней; а какъ привели тѣхъ коней въ дворъ, такъ пани приказала еще для коней взять у Быховца и сѣна. За сѣномъ былъ посланъ староста верхомъ на быховцовомъ конѣ, и—какъ пріѣхалъ онъ къ Быховцу, тотъ коня сейчасъ отнялъ, а старосту, взявъ за волосы, ударилъ б-земь и билъ его кулаками, сколько захотѣлъ... Вернувшись во дворъ, староста крикнулъ паней: „ты посылаешь насъ грабить людей, а насъ за то бьютъ!“ Тогда пани приказала старостѣ идти къ Быховцу уже съ людьми, чтобъ позвать его самага во дворъ, а если не пойдетъ, то привести силою. Пошли къ Быховцу снова. Но тотъ, вмѣстѣ съ сыновьями, встрѣтилъ людей цѣпами... И избилъ Быховцы людей тѣхъ сильно: старостѣ и еще одному разбили головы, другому посланиому — перебили руку, да и остальнымъ досталось... Спросили слѣдователи и Быховца, чтобы тотъ самъ рассказалъ какъ было дѣло; по тотъ не захотѣлъ отвѣчать, а только сказалъ: „не слушаю я васъ! мы еще обождемъ счастливаго вѣтру!“ На другой день снова былъ позванъ Быховець, которому предложили указать хотя свидѣтелей драки. „Нѣтъ у меня свидѣтелей“, отвѣчалъ Быховець, „а дѣло было такъ: какъ пришли панскіе люди ко мнѣ во дворъ, чтобы пограбить¹⁾, то я грабежа не далъ и оттого случилась драка съ моими дѣтьми. А когда Михайло Хуторнепко ударилъ мою жену палкою по головѣ и я увидѣлъ, что она упала, облитая кровью, такъ я крикнулъ дѣтямъ—гнать панскихъ людей изъ двора! При этомъ мы и били людей, выгоняя ихъ на улицу“. Къ этому Быховець добавилъ, что въ то время, когда происхо-

¹⁾ Слово „грабить“ употреблено здѣсь въ смыслѣ—насилъно взять въ подлешащень „грабежу“ дворѣ что-нибудь изъ домашней рухляди, въ залогъ исполненія того или другаго требованія властей. Сельскіе урядники въ Малороссіи и теперь, посылая „гонителей“ (нѣчто въ родѣ помощниковъ сборщиковъ податей) замскивать съ крестьянъ подати, примазываютъ имъ, въ случаѣ неплатель, „пограбить“ недоящиковъ, т. е. взять у нихъ какую нибудь одежду или что другое, чтобы тѣмъ заставить скорѣе заплатить подати.

дила эта драка, у него еще не было указа коллегіи объ исключеніи изъ вѣрстанства. А потомъ была еще и другая драка, когда, выхлопотавши указъ о козачествѣ, онъ, Быховецъ, вернулся изъ Глухова, такъ снова присылалъ за нимъ самъ Ивапъ Себастьяновичъ, вернувшійся изъ гиліанскаго похода, чтобъ шелъ во дворъ и показалъ указъ, по которому онъ отказывался „отдавать послушаніе“. Присланному за нимъ войту Быховецъ отвѣчалъ: „не пойду я къ твоему папу! есть у меня панъ полковникъ, а твоего пана я не слушаю!“ За такой отвѣтъ Себастьяновичъ послалъ старосту съ войтомъ въ „череду“ (стадо) „пограбить“ пару воловъ Быховца. Услыхавъ объ этомъ, Быховецъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ сосѣдей, побѣжалъ къ стаду и, заставъ тамъ войта, билъ его цѣпомъ по плечамъ, но билъ немного, потому что отиросила войта дочь Быховца, говоря: „не бей, тату! человекъ этотъ передъ нами щцѣмъ не винень!“

Въ такомъ видѣ слѣдствіе представлено было гетману съ заключеніемъ, что всѣмъ просителямъ, кромѣ Быховца, слѣдуетъ отказать въ козачествѣ, Быховца же, признавъ козакомъ, наказывать за то, что пересталъ слушать своихъ пановъ прежде полученія указа коллегіи. Заключение слѣдователей было утверждено Апостоломъ.

Только что кончили Себастьяновичи дѣло съ крестьянами, искавшими козачества, какъ началось у нихъ въ Грицовкѣ, другое дѣло, уже со всѣми остальными крестьянами. Грицовское посполство, не дождавшись отъ коллегіи никакихъ облегченій въ „работизнахъ“, рѣшило просить этихъ облегченій у новаго гетмана, Апостола. Въ октябрѣ 1728 г., всею „громадою“ Грицовки подано было гетману слѣдующее прошеніе: „мы, грицовскіе подданные пана Ивана Себастьяновича, доносимъ вашей ясневельможности, о причиняемыхъ намъ отъ него обидахъ: въ сѣнокосное время держитъ онъ насъ на своихъ сѣнокосахъ недѣль по семь и притомъ на нашихъ харчахъ, а какъ не станетъ у насъ харчей, то выпрашиваемъ хлѣбъ по сосѣднимъ хатамъ, потому что панскіе дозорцы—домой за хлѣбомъ не пускаютъ ходить. Въ „жпива“ накидаетъ на каждую семью—сжать копъ по 10, 15 и по 20, одной ржи, кромѣ яроваго хлѣба. А

когда попросимъ панскихъ дозорцовъ, чтобы и намъ дано было немного времени—накосить сѣна и пажать хлѣба на своемъ полѣ, такъ дозорцы отвѣчаютъ: „намъ дѣла пѣтъ до вашего хлѣба, пусть опъ хоть погниетъ, лишь бы панское было собрано!“ А староста панскій грозитъ намъ: „велитъ мнѣ панъ, чтобы я выгонялъ изъ хаты каждый день по работнику; и—если хоть годъ проживу я у пана, то всѣхъ васъ поровняю, богатыхъ съ бѣдными!“ Каждый годъ сгоняютъ насъ орать панскія поля своими плугами; весной—на недѣлю и въ петровку—на недѣлю. А какъ наступетъ зима, то отдаетъ панъ для прокорму на дворъ—по коню или по двое рогатаго скота. А случится, что волкъ съѣстъ эту скотину или воръ украдетъ, то панъ беретъ за такую скотину вдвое. Такъ Василь Сущенко за кобылку-двухгодовалку, которую задавилъ волкъ въ хлѣву, заплатилъ шесть копъ, Федоръ Рудъ за украденнаго бычка, заплатилъ четыре съ половиною копы... Пригнаны были разъ изъ другаго села въ Грицовку панскіе вола; на другой день будто не до считались одного вола, такъ панъ взялъ за того вола съ войта Кузьменка восемь копъ, а войтъ въ то время и въ дворѣ не былъ и совсѣмъ не зналъ былъ ли тотъ волъ и пригнанъ, за котораго панъ взялъ деньги. Да съ тѣмъ же Кузьменкомъ помѣнялся панъ на коней и договорился дать въ придачу два талера (1 р. 20 к.), но и копѣйки не далъ. У многихъ крестьянъ порубилъ панъ лѣса. У Прохоренка срубилъ лѣсокъ за то, что поповъ гусь ходилъ на панское гумно и что того гуся Прохоренко позволилъ попу взять съ гумна; а срубленный лѣсъ стоялъ золотыхъ сорокъ. Сторожей ежедневно трехъ высылаемъ: двухъ въ панскіе дворы, а третьяго—въ шинюкъ къ жиду. А какъ жидъ сбѣжалъ изъ шинюка, такъ за недоставшую водку заплатили мы, сеяне, и при этомъ платили и тѣ, которые и въ шинюкъ никогда не бывали... А въ этомъ году въ февралѣ, когда выгнали насъ на панщину, сѣно возить, такъ староста приказалъ, чтобы днемъ возили панское сѣно, а ночью—чужое. И набрали мы ночью у срѣбрянской жительки Калинки сѣна на всѣ подводы и привезли то сѣно въ панскій дворъ... А Калинка нашла свое сѣно по слѣду и пожаловалась нашему пану,

который, будто ничего не зная, созвалъ насъ всѣхъ и приказалъ присягать, что именно привезли то сѣно на его дворъ. И не присягали потому только, что одинъ хлопецъ видѣлъ, какъ везли мы Калипкино сѣно на папскій дворъ и рассказалъ объ этомъ. А за то сѣно Калинка взяла одного коня у Жадапенка, а другого—у Шибѣки, и работала она тѣми лошадьми семь педѣль, пока за то сѣно мы не заплатили ей.

Спрошенный по этой жалобѣ Себастьяновичъ большею частию отрицалъ обвиненія крестьянъ, а въ пѣкоторыхъ случаяхъ объяснялъ, что такъ дѣлается „по давнему обыкновению“. О сѣнѣ, взятомъ у Калинки, онъ отвѣтилъ: „я не зналъ о сѣнѣ, взятомъ у Калинки; а когда сребрянская ратуша выслала своего войта, чтобы разслѣдовать дѣло, такъ войтъ обвинялъ моего „господаря“, которому я назначилъ заплатить за сѣно, 80 золотыхъ; а когда деньги заплатили Калинкѣ, такъ и лошади были возвращены крестьянамъ...“ Изъ этого отвѣта видно, что за украденное для Себастьяновича сѣно заплатили деньги крестьяне; а что украдено было сѣно у Калинки съ вѣдома Себастьяновича, видно изъ жалобы одного козака Яненка, который былъ избитъ Себастьяновичемъ за то, что будто онъ рассказалъ Калинкѣ—что украденное у нея сѣно свезено къ Себастьяновичу, въ дворъ. Никакой вины въ дѣйствіяхъ Себастьяновича гетманъ не усмотрѣлъ, почему и распорядился, чтобы прилучкій полковникъ, вызвавъ изъ Грицовки въ Прилуку „возмутителей“, сначала бы ихъ „по приличію“, наказалъ, а потомъ—приказалъ бы имъ во всемъ слушать Себастьяновичей. За „возмутителями“ полковникъ послалъ въ Грицовку сотеннаго хоружаго; но грицовцы отвѣчали, что не поѣдутъ и—не поѣхали. Полковникъ послалъ въ другой разъ значковаго товарища Донца, уже съ козаками, приказавъ Донцу только прочесть передъ грицовцами гетманскій приказъ. Но и это порученіе не могло быть исполнено. Ставъ квартирою у Себастьяновичей, Донецъ послалъ за крестьянами, чтобъ тѣ шли въ панскій дворъ для выслушанія гетманскаго приказа; но крестьяне не только не пошли, а собравшись „громадою“, вооружились цѣпами и стали ждать что дальше будетъ Донецъ дѣлать... Тотъ пошелъ самъ къ гро-

мадѣ и прочелъ ей гетманское рѣшеніе на ихъ жалобу.— „Не будемъ слушать Себастіановича“, отвѣчали крестьяне, „пока не услышимъ о томъ приказа отъ самаго гетмана!“ Вернувшись на квартиру, Донець приказалъ позвать войта, чтобы тотъ распорядился—дать козакамъ его харчей и сѣна. Войтъ не послушалъ. Тогда Донець послалъ своего козака взять сѣна изъ ближайшаго двора, но тамъ хозяинъ встрѣтилъ посланнаго вилами. Донець приказалъ взять этого крестьянина и „забить въ колодки“. Услыхавъ объ этомъ, громада подошла къ панскому двору и стала требовать освобожденія забитаго въ колодки; а когда Донець отказалъ, то громада направилась къ священнику попросить благословенія битъ набать, („благословитесь гвалтъ въ дзвони бити“). Разбуженный священникъ (дѣло было уже ночью) попробовалъ было успокоить народъ, но онъ, ничего не слушая, пошелъ къ церкви и началъ „гвалтъ бити“... Грицовскій козацій атаманъ, услыхавъ, что быють набать, прибѣжалъ къ церкви и встрѣтилъ тамъ „громаду мужиковъ съ цѣпами и вилами“, часть которой побѣжала къ панскому двору. Увидавъ атамана, крестьяне послали его къ Донцу, чтобы тотъ немедленно освободилъ взятаго крестьянина. Донець отказалъ и атаману. Тогда толпа сама подошла къ панскому двору и требуя забитаго въ колодки, кричала, что хоть цѣлую сотню пришлютъ изъ Прилуки, то они не позволятъ взять его изъ села. Видя расходившуюся толпу, Донець отпустилъ взятаго крестьянина, а самъ поспѣшилъ уѣхать изъ Грицовки. Чѣмъ кончился протестъ грицовскихъ крестьянъ, подробностей изъ архивныхъ бумагъ не видно, но, конечно, гетманскій приказъ быть исполненъ и грицовцы стали отдавать Себастіановичамъ надлежащее послушаніе...

2. Село Озеряне ¹⁾).

Озеряне возникли, повидимому, во второй половинѣ XVII в., такъ какъ только въ 1703 г. строилась здѣсь первая церковь. Будучи незначительнымъ сельцомъ, Озеряне до начала XVIII в.

¹⁾ Лохвицкаго уѣзда, полтавск. губ.